

## Элита в "вертикальном" обществе

Одно из заседаний "круглого стола" фонда "Либеральная миссия" было посвящено проблемам современной российской элиты. Что вкладывается в это понятие? Какие группы и по каким критериям можно причислить к элите? Каковы изменения, происходящие в российской элите в последние десятилетия? – эти и другие вопросы оказались в центре обсуждения. Поводом к нему стала презентация книги **Льва Дмитриевича ГУДКОВА, Бориса Владимировича ДУБИНА и Юрия Александровича ЛЕВАДЫ** «Проблема "элиты" в современной России. Размышления над результатами социологического исследования» (М., 2007). В обсуждении приняли участие президент и вице-президент фонда "Либеральная миссия" **Евгений Григорьевич ЯСИН** и **Игорь Моисеевич КЛЯМКИН**, а также **Михаил Николаевич АФАНАСЬЕВ, Татьяна Евгеньевна ВОРОЖЕЙКИНА, Виль Гдалиевич ГЕЛЬБРАС, Андрей Николаевич ИЛЛАРИОНОВ, Ольга Викторовна КРЫШТАНОВСКАЯ, Аркадий Исаакович ЛИПКИН, Глеб Иванович МУСИХИН, Алексей Кириллович СИМОНОВ, Григорий Сергеевич ШВЕДОВ, Лев Ильич ЯКОБСОН** и др. Наиболее интересные, концептуальные моменты обсуждения обобщены **Натальей Михайловной ПЛИСКЕВИЧ**.

**И.М. Клямкин:** Актуальность темы, которую нам предстоит рассмотреть, ни у кого из присутствующих сомнений, думаю, не вызывает. Речь идет о состоянии и качестве отечественной элиты, ее нынешних особенностях, тенденциях развития, которые внутри нее наблюдаются, о ее модернизационном потенциале. Левада-Центром по заказу фонда "Либеральная миссия" проведено специальное исследование современной российской элиты. Его результаты представляют Л. Гудков и Б. Дубин.

**Л.Д. Гудков:** Для начала я хотел бы сказать несколько слов о самом проекте исследования элиты. Инициатива проведения такого исследования и в значительной степени его замысел принадлежат Е. Ясину, который примерно в конце 2004 г. выдвинул гипотезу о том, что население вполне довольно нынешним руководством страной, а элита, ощущающая свою ответственность за будущее развитие страны, явно недовольна сворачиванием реформ, усилением репрессивных тенденций, ограничением демократических свобод, административным давлением на экономику и пр. Таким образом, проблема может быть сформулирована так: каковы источники развития в стране, есть ли силы в российском обществе, которые могли бы обеспечить модернизацию общества в условиях, когда авторитарный режим, централизованный контроль власти над все большими сферами общественной жизни оказывают угнетающее и парализующее воздействие на инновационные группы, блокируя процессы функциональной дифференциации и специализации, а значит, автономию и свободу групп, обладающих наивысшим потенциалом и ресурсами, наиболее продуктивных сил в обществе и соответствующие им системы коммуникации, обмена, представительства и управления социальными процессами?

За все 20 лет работы сначала во ВЦИОМе, а потом – в Левада-Центре у нас не было более тяжелого и трудоемкого исследовательского проекта. Встречались трудности нескольких родов. Во-первых – доступность. Если в 1993–1994 гг., когда наш центр проводил ряд исследований элит, никаких особых проблем взаимодействия с высокостатусными ее представителями не было, то сегодня ситуация абсолютно другая. Нынешняя элита предельно закрыта, просто абсолютно недоступна. Можно считать эту ее особенность одной из важнейших характеристик нынешней ситуации.

Второе, с чем мы столкнулись, – проблема теоретического плана: размытость и неопределенность самой проблематики элиты. Дело в том, что понятие "элита" было привнесено в Россию из западной социологии или западных политических наук без особой теоретической и методологической рефлексии. Оно используется как постсоветский эквивалент номенклатуры, "лиц, принимающих решения", или "лиц, обслуживающих власть", с одной стороны. С другой стороны, оно трактуется как суррогат прежнего понятия "интеллигенция", то есть группы, обладающей особыми символическими ресурсами, знаниями, культурой, идеями, пониманием, моральными и тому подобными особыми качествами. Чем хуже идут дела, чем сильнее давление власти и ощутимее полицейский режим, тем сильнее потребность в идее какой-то группы, которая может рассматриваться в качестве первопричины изменений и развития, носителя идей и образцов. Другими словами, такая ситуация – интеллектуальный ответ на потребность веры в существование некой просвещенной группы творцов и авторитетов, задающих идеи и новые образцы. Вопрос заключается в том, что идея интеллигенции представляет собой идеологему, рождающуюся только в условиях примитивной социальной системы, не способной преодолеть вызовы модерности, реализовать задачи модернизации.

Вот эта двойственность или, точнее, неразвитость представлений об элите крайне мешала и затрудняла операционализацию показателей и описательных понятий, необходимых для эмпирической социологической работы. Большая часть авторов оперировала либо с одним (околовластные круги), либо с другим (носители особого ресурса) понятием "элиты". Мы готовы были принять первую версию, если бы не одно "но": в данной трактовке элиты нет указания на то, как происходит отбор, по каким признакам определяется принадлежность к элите и чем она тогда отличается от власти. Элита в этом отношении – и лица, принимающие решение, и лица, влияющие на принятие решения. Другими словами, элитные свойства определялись через позицию в социальной иерархии и через функцию, главным образом, политического управления. Анализ западной литературы не дает ответ на наш вопрос, поскольку специфика отечественной политической системы заключается в том, что это посттоталитарный режим, а не демократическая и не просто бюрократическая система организации управления. В этом суть и смысл проблемы элиты в неконкурентном обществе. Эта неясность характерна даже для такой яркой работы, как "Анатомия российской элиты" О. Крыштановской. Но оценивая ее как одно из сложнейших, безусловно, важных исследований, мы внутренне не соглашались с автором, относящим к элите высоко-статусные группы. Чтобы прояснить наши сомнения, нам пришлось заняться теоретическим разбором проблемы элиты.

Что такое, с нашей точки зрения, элита? В открытом, конкурентном, демократическом и научном обществе под ней понимается совокупность лиц, демонстрирующих наивысшие достижения в своей отрасли. Среди критериев отбора в эту группу – признание (профессиональное или групповое) успеха, достижение, которое становится образцом для других, которому следуют и которое тиражируют, воспроизводят и развивают. Группы, демонстрирующие это, завоевывают престиж, пользуются авторитетом, получают признание именно за счет своих образцовых достижений. Соответственно, в проблематику элиты, с нашей точки зрения, входят несколько вопросов. Первый: кто определяет или квалифицирует кандидатов в элиту? Второй: на основе каких критериев происходит признание кандидатов в элиту; каковы тут механизмы отбора? Третий: как этот отбор связан с социальным порядком, социальной структурой, поскольку закрепления, признанные авторитетной группой, становятся основой для вознаграждения, гратификации социального авторитета, а значит, с этой стороны, являются важнейшим моментом социальной стратификации. Благодаря последовательному – вначале узкому, затем общему – признанию достижений, социальный порядок получает санкцию морального и справедливого. Авторитетом наделяют не в силу каких-то специальных свойств (например, сервильности или партийной преданности), а благодаря открытой конкуренции и системе обмена, всеобщим признанием.

Таким образом, социальный порядок, основанный на открытой системе достижений, не вызывает возмущения. То есть здесь речь идет уже не о позиционной элите, закрытом (традиционном, аристократическом или корпоративном, сословном) сообществе, а о том, что в открытом конкурентном обществе социальный порядок основывается на определенных признанных достижениях. Отсюда и вопрос: какими символическими, интеллектуальными и прочими ресурсами располагают те, кто признаются в качестве образцовых, авторитетных, занимающих наивысшие элитные позиции в обществе?

И наконец, очень важный момент, который с самого начала вызывал наше сомнение в подходе российский коллег: каковы механизмы передачи элитных характеристик, каков механизм репродукции самой элиты? Дело не в том, что какая-то группировка приходит по тем или иным причинам к власти, пользуется авторитетом и занимает признанные позиции, но и в том, может ли она передать их и кому? Есть ли общепризнанные правила смены элитной позиции? Соответственно, каковы механизмы репродукции этой группы? И тем самым вопрос ставится более широко: каковы механизмы репродукции этого общества, не основанном на открытом достижительском порядке? Иначе говоря, проблематика элиты начинает захватывать широкий круг вопросов, касающихся не только механизмов селекции, отборов, признаний, квалификации, но и механизмов репродукции, социальной стратификации и т.д.

Разумеется, понятие элиты, которым мы оперируем и с которым мы сравниваем другие высокостатусные образования, не является "реальным"; это идеально-типическая модель, служащая для сравнительного типологического анализа различных феноменов. Тут очень важный момент, который мы постоянно подчеркиваем. Понятие "элиты" носит не столько предметный, описательный характер, сколько объяснительный. Эта конструкция облегчает понимание ситуации и у нас, и в западном обществе. Ее назначение – в методическом и теоретическом смысле (она связывает разные области теоретических знаний). Соответственно, она внутренне связана с конструкцией открытого общества, модернизирующегося, демократического общества. Поэтому элита не может возникнуть без свободной прессы, без того, что Ю. Хабермас называл *Oeffentlichkeit* ("общественность"), то есть рефлекслирующая публичность, резонирующая на события, осмысляющая и отзывающаяся. Это значит, что без многопартийной системы политическая элита невозможна, как научная – без дискуссии и процедур фальсификации. Главное условие существования элиты – наличие любых социальных механизмов конкуренции.

Когда же мы обращаемся к российской реальности, то оказываемся в некотором смущении, потому что наша "позиционная элита" не отвечает ни одной из этих характеристик. Способы организации системы власти и, соответственно, институтов представительской власти, науки, СМИ и прочих, строятся совершенно по другим основаниям и принципам. Основной из них идет еще от советских времен, от тоталитарной системы, и сегодня он практически не меняется. Собственно, с этим и связаны консервативные тенденции нашего общества. Власть выстраивается только иерархически, "сверху вниз", то есть в этом смысле сегодняшние элиты соединяют в себе некоторые элементы и номенклатуры, и интеллигенции, и бюрократии. Но важно, что те, кого мы называем элитой, или те, кто принимают это название или квалифицируются (по разным причинам) в качестве элиты, не публичные элиты, не конкурентные. Их статус и функции связаны с положением в иерархии, а не с компетенциями и достижениями. Их признание зависит только от вышестоящей инстанции, которая квалифицирует способность и место, объем полномочий, прав, возможностей действия и характер gratификации и авторитетности нижестоящих. Это довольно интересные соображения, поскольку с ними связаны и возможности ответа на вопрос: какими качествами обладают те, кто характеризуются в качестве "назначенных быть элитой"?

Безусловно, в сознании тех групп, которые могут быть уподоблены элите, присутствует представление о необходимости модернизации страны. Однако эти представления носят чрезвычайно аморфный, размытый и неопределенный характер. Они лише-

ны рациональной проработки и в этом смысле лишены характера политической стратегии или программы, подлежащей реализации в действительности. Забегая вперед, скажу: они являются "легитимационной легендой власти", частью идеологического антуража власти и околотовластных, обслуживающих ее, групп, которые и выступают в качестве заместителей элиты или признаются властью элитой, или на которые переносятся характеристики западной элиты.

Можно выделить три зафиксированных нами идеи о модернизации России, высказываемых представителями российской элиты. Первая – путь ускоренных преобразований по европейской модели. Вторая (которую опрашиваемые нами называют) – нечто вроде шведского социализма (государства, обеспечивающего всеобщую социальную справедливость). И наконец, небольшая часть таких представлений связана с вариантом так называемой авторитарной модернизации – проведением рыночных реформ при консервативной, диктаторской или недемократической, жесткой, авторитарной политической системе.

Очень небольшая часть наших респондентов хотела бы возвращения к советской системе. Эту модель выбирают не больше 10–12% опрошенных. При этом все или почти все опрошенные нами полагают, что главным фактором инициирования модернизации, источником идеологии модернизации является нынешний президент. Он – источник модернизационных представлений почти для всей группы, отнесенной к элите. Он спаситель, он голова, он смысл и ключ эманации модернизационных представлений. Вместе с тем при видимом противоречии с уже сказанным, почти все (две трети опрошенных нами представителей российской элиты) считают, что у президента нет адекватной его политическим целям, настоящей и эффективной команды. Тем самым эти модернизационные представления не могут быть в полной мере реализованы. Общий тон пожеланий, стремлений этих околотовластных кругов сводится к тому, что модернизация – это хорошо, но "надо годить" (прямо по М. Салтыкову-Щедрину). И (что очень важно) модернизация – модернизацией, но, вообще-то говоря, России как державе, как стране, как государству в настоящий момент не грозит оказаться на периферии мирового развития, а значит, и особой острой потребности в модернизации нет. Единственное исключение – контрольная группа московских интеллектуалов, экспертов, ученых, ведущих журналистов и писателей, которые единодушно считают иначе: такая опасность очень велика и она становится все более реальной по мере нарастания централизации и развертывания "управляемой демократии". Близки к ним и тревожные представления бизнеса, региональных политиков и депутатов, которых давит Кремль. Именно от них, как считают большинство опрошенных, должны исходить модернизационные программы. Но они в максимальной степени удалены от центров власти.

**Б.В. Дубин:** Вообще говоря, для нашего центра интерес к проблеме элиты – сквозной. Когда мы только приступили к своей работе в 1988–1989 гг., предметом нашего особого внимания были, во-первых, источники возможных изменений в стране, те силы, группы, системы идей, представлений, которые могут поддерживать реформы, задавать их тон и ритм; во-вторых, система воспроизводства этих импульсов – репродуктивные институты, репродуктивные механизмы, которые подхватывают их и задают им характер программ и переводят в режим повседневности. Так что работают не просто чьи-то счастливые идеи, чьи-то замечательные головы, а начинают работать системы. Начинают действовать механизмы, которые будут продолжать работать, даже если счастливые идеи перестанут посещать одинокие головы, либо по каким-то причинам людям, задавшим эти идеи, придется уйти. Поэтому нам была крайне важна проблематика, которую предложил изучить Евгений Григорьевич.

Фактически, изучая эту проблему уже в 2005–2006 гг., проводя исследование и обобщая его результаты, мы в свернутом виде получали всю историю, по крайней мере, последних 20 лет, всю историю так называемой перестройки, ее конца и того режима, который пришел на смену. В этом смысле для нас был принципиально важен перелом или перегиб, произошедший примерно между 1993 и 1995 гг., когда, нужно

отметить, категория "элита" начинает усиленно муслироваться в публицистике, на верхах власти, одновременно с возвращением к поискам национальной идеи, национальных особенностей и т.д. В хронологии примерно между 1993–1994 гг. и 1998–1999 гг., когда образовался уже подступ к нынешнему режиму, нас очень интересовала система переходов, переломов, перегибов. Именно там можно проследить как бы зарождение некоторого "брожения умов" вокруг категории "элита". Не было такой категории ни в 1987, ни в 1988, ни в 1989 гг. Не было в ней необходимости. Она появилась, как только преобразования начали замедляться и представлявшие их голоса экспертов и консультантов стали говорить, что хватит реформ, давайте переходить к тому, чего от нас требует народ, – к стабильности и порядку, категория элиты оказалась востребованной. И это парадокс. Ведь сама категория "элиты" в том смысле, о котором Лев Дмитриевич говорил, конечно, связана с идеей модернизации и идеей развития.

К чему, в конечном счете, мы пришли? Если говорить коротко, то проблематика так называемой элиты распалась на проблематику номенклатуры и проблематику интеллигенции. Составные части самоопределения групп, принимающих решения и занимающих высшие посты, их отношение друг к другу, отношение к себе, отношение ко всем остальным слоям и группам общества в целом вполне вписываются в поле напряжения между этими двумя полюсными категориями – номенклатурой и интеллигенцией. В конечном счете, мы имеем дело с тем, что стали называть заместителями элиты, и.о. элиты, "эрзац-элитами", то есть людьми, занимающими высокие посты, принимающими решения без инновационных ориентаций, без инновационных ориентиров и без инновационного потенциала. В конечном счете, мы имеем дело с нашими "элитами" как с феноменом распада прежнего советского социально-политического порядка и тогдашней номенклатуры. Период с 1993 по 1998–1999 гг. это показал.

Тут крайне важна еще одна вещь. Элиты в том обществе, где имеет функциональный смысл о них говорить, – инструмент контроля общества над властью (сдерживания, контроля, приведения ее в какое-то более или менее разумное, безопасное для общества состояние). Вместо этого в наших условиях мы получаем людей, которые, с одной стороны, отождествляют себя с властью, а с другой – минимально отличаются от мнений и стереотипов масс. Мы через всю книгу провели сопоставление мнений элитных групп с результатами массовых опросов, и можно увидеть, до какой степени по принципиальным вопросам они не отличаются, разве что какими-то грациями.

Чем дальше разворачивалось наше исследование и осмысление его результатов, тем больше нас начинало интересовать, а есть ли какие-то другие группы внутри слоя людей с образованием и квалификацией – люди с интеллектуальными горизонтами, какими-то идеями насчет будущего, чувством ответственности за то, что происходит сегодня, и за то, что будет происходить завтра? Функцию такого рода в нашем исследовании и получила подгруппа московских интеллектуалов. Действительно, в большинстве случаев они сохраняют критическую и даже очень критическую дистанцию по отношению к первому лицу, к его политике, к команде, которая его окружает, к людям, которые стоят за ним и которых мы не видим в публичной политике. Довольно критично относятся к тому, что происходит сегодня и что, скорее всего, будет происходить завтра. Но это люди, максимально удаленные от центров принятия каких бы то ни было решений.

**О.В. Крыштановская:** Выход такой книги с таким авторским коллективом – огромное событие для социологии. Но с кое-какими положениями, которые здесь прозвучали, я вынуждена не согласиться. По поводу того, например, что интерес к проблематике элиты возник после 1993 г. Мне кажется, это не совсем так: интерес к элите существовал всегда и везде. Людям интересно, как живут богатые, власть имущие, но в советском обществе подобные исследования были запрещены. И в 1989 г., когда появилось первое подразделение по изучению элиты в АН СССР, мы про себя в рабочем порядке называли это слово, но в государственный план была записана тема "Административная система и ее субъекты". Потому что само слово "элита" тогда еще не пропустили бы.

Люди не сразу включили в свою оперативную память такой термин. Это произошло постепенно. Каждый стал задумываться, а кто же это – элита? На любой конференции, семинаре, "круглом столе", когда возникала какая-то "элитная проблематика", всегда начинался ожесточенный спор об определении понятия. Существовали три основные точки зрения. Согласно первой, которой я придерживаюсь, это правящая группа общества. Туда могут входить и ученые, и артисты, и бизнесмены, и кто угодно, но все равно это люди, принимающие решения. Сторонники второй точки зрения включают в элиту верхушку каждой профессиональной группы, людей, обладающих высшими позициями. Тогда можно говорить о военной элите, об интеллектуальной элите и т.д., а слово "элита" приобретает множественное значение. Третья точка зрения – так называемый индексный подход (у кого больше разных показателей, те и элита).

Мне бы хотелось подробнее узнать о выборке обсуждаемого исследования. Я в своей работе сталкивалась с проблемой, что почти невозможно провести опрос элиты. Элита – самые-самые высокопоставленные люди в нашем обществе. Работать методом опроса с такими людьми практически невозможно. Поэтому социологи делают две вещи: либо изучают данную группу другими методами (биографическим, например), либо "понижают планку". Второй подход, очевидно, применен авторами. Это видно из таблицы, где представлена категория опрошенных. Скажем, тут есть заместители губернаторов, а губернаторов нет. То есть я как социолог понимаю, что до губернаторов невозможно добраться, а до заместителей трудно, но все-таки можно. И получается так, что если мы с трудом, прилагая гигантские усилия, все-таки добиваемся "доступа к телу" респондентов, оказывается, что это не совсем элита. Конечно, сегодня еще вопрос, относятся ли сами губернаторы в настоящее время к элите? Ведь и они оторваны уже от принятия государственных решений.

**М.Н. Афанасьев:** Для себя я выделил три узловых пункта, вокруг которых пошел разговор. Первый, категориальный вопрос – кого называть элитой? Второй вопрос – признаются ли нынешние верховные группы в качестве элиты обществом? И третий – модели модернизации, которые сама элита, судя по материалам социологического опроса, видит и обсуждает. Мне этот третий сюжет показался самым интересным, самым забавным и одновременно самым грустным.

Начну с первого. Если под "проблемой элиты" имеется в виду вопрос, есть элита в России или нет, то такая постановка мне кажется чересчур софистичной и не очень актуальной. Категория элиты изначально была идеологемой, выдвигавшейся на этапе слома феодального общества против аристократии, то есть группы, которая передавала свой социальный статус по наследству. Тогда мифу об аристократии был противопоставлен миф об элите. У нас на этапе слома советского строя идеологема элиты, манифестирующая открытую, рыночную модель политического и экономического господства, была востребована и направлена против партийно-советской номенклатуры. Сегодня я бы не стал преуменьшать степень рыночности наших верхов и масштаб внутриэлитной конкуренции. Мое предложение такое: давайте называть тех, кто "наверху" и обладают влиянием на массы, элитой, и успокоимся. Интересно-то другое: что они там "наверху" делают, как влияют на тех, кто "внизу", и взаимодействуют друг с другом?

Главным фактором отнесения к элите, самоопределения элиты и ее влияния в сегодняшней России, на мой взгляд, являются деньги. Ведь даже знаменитый и ужасный "административный ресурс" всегда капитализируется его носителями, и наши пресловутые "силовики" в первую очередь это делают. Способы извлечения денег могут быть разными – рента, прибыль, рэкет, законодательство или еще что-то. Главное, чтобы ваше занятие приносило деньги, а на это уже можно купить место, имидж, рейтинг, творческие успехи и т.д.

Какие группы и слои можно считать элитой в современной России? Ядро – крупный бизнес и крупная бюрократия, отделом которой сегодня является депутатский корпус. Кстати, когда мы проводим целевые опросы в органах государственной власти и в

бизнес-сообществе, наши заказчики четко определяют те элитные группы, которые их интересуют. Кстати, вот показательный пример: одного заказчика интересовало мнение о нем в политической элите. Мы ему предлагали опрашивать депутатов, сенаторов; он отказался, даже председатели и зампреды комитетов его не устроили. Потом говорит: "Вы что, не знаете, где политическая элита находится? В администрации президента!" Взгляд, конечно, варварский, но верный.

Теперь о том, что касается признания российских элит нашим обществом. Думаю, оно свою элиту узнает и признает, так сказать, по факту. Это признание жиднется, в частности, на том, что сегодняшнюю элиту и общество очень многое объединяет. Самое главное – примерно один и тот же стиль мышления и социального поведения, а именно, борьба за выживание. Эти образ мысли, образ жизни практически универсальны, тотальны. Самые лучшие приспособленцы – на самом "верху", а те, кто "внизу", – дезадаптанты. Этот социальный факт всем дан в ощущении и большинством признается как естественный порядок.

Вот сейчас предвыборная пора, и мне приходится работать с большим количеством социологических материалов, материалами фокус-групп в разных городах и регионах Российской Федерации. Хочу сказать о мотивации тех, кто готов голосовать за Единую Россию. Это очень интересно и показательно. Когда спрашиваем об отношении к власти, начальству, депутатам, вообще к тем, кто наверху, люди говорят много плохого: о тотальном своекорыстии власти имущих, о повсеместной коррупции. Потом спрашиваем: а за кого голосовать будете? И многие из тех, кто только что ругал начальство, отвечают, что за Единую Россию: ведь у них власть, деньги, они всеми ресурсами распоряжаются. У них и будем просить, с них спрашивать, им жаловаться. Такая простая и по-своему вполне рациональная позиция обычных людей. С одной стороны, это признание: "они наверху", с ними и будем торговаться, договариваться. С другой стороны, такое признание трудно назвать легитимностью. Тут не легитимность, а какая-то социальная зоология: поза доминирования, поза подчинения; сегодня эти находятся "сверху", а завтра – видно будет. То есть никаких легитимирующих этот порядок и стабилизирующих его в стратегическом плане институциональных механизмов – идеологических, религиозных, политических – здесь нет.

И наконец, третий сюжет, который меня чрезвычайно заинтересовал в предваряющих докладах, – модели модернизации, которыми оперирует наша элита. Судя по проведенному исследованию, речь идет о либерально-демократической, социалистической и авторитарной моделях. Мне представляется, что это просто набор штампов, мифологем, которые сразу всплыли в головах у опрашиваемых представителей элит. Вообще это разговор ни о чем, поскольку нет у нас сегодня ни либерально-демократической, ни социал-демократической, ни авторитарной модернизации и никто, никакая элита или часть элиты такие модели не реализует.

А какова же актуальная, практическая повестка российской модернизации? Есть ли она вообще? Неужели вся наша элита поголовно кивает на В. Путина? То есть одиноким Путин – вот та точка в пространстве, в которой пульсирует слово-дело российской модернизации! Вообще говоря, тезис настолько глупый, что у меня возникает подозрение: не издеваются ли над социологами интервьюируемые представители элиты? Я не могу себе представить, что успешные, влиятельные и по большей части вполне разумные люди всерьез могут так рассуждать о путях и вариантах национального развития. А если так, то это уже не проблема, а катастрофа! Насколько я понял, есть некое общее ощущение, которое почувствовали и зафиксировали авторы исследования. Такое успокоение, что худа не будет, Россия никуда не скатится, глобальную конкуренцию мы не проиграем, время у нас есть, спешить не надо. Это, в принципе, понятно: мы же элиту опрашиваем... Им там хорошо, и они не заинтересованы в том, чтобы "лодку" сильно качало.

Семь лет назад, в самом начале правления Путина, мы проводили похожие исследования в предпринимательской, политической и медиаэлите. И разговор тогда получился бойким, предметным. Был вполне артикулированный социальный заказ второ-

му президенту, который он потом многократно озвучивал и не выполнял. Неужели сегодня настал такой глубокий сон разума?

**Т.Е. Ворожейкина:** Начну с главного вывода, который можно сформулировать двояко: отсутствие у современных российских элит модернизационного потенциала либо отсутствие в стране потенциала модернизации "сверху". Это две, но разные части одной проблемы. Если говорить о модернизации как о социокультурном процессе, как о социокультурной трансформации, то, на мой взгляд, мы имеем дело с процессом демодернизации в смысле упрощения, примитивизации социальных институтов и всех поведенческих кодов общества. Вот здесь, наверное, те, кто называются "элитами", эти коды транслируют вниз. Я бы даже жестче сказала. Мне кажется, это некий процесс одичания.

То же самое (если не в большей мере) относится к политическим институтам. В этой связи хотелось бы сказать несколько слов о смене правительства в октябре 2007 г. Думаю, тут есть некий элемент исторической стабильности. Когда я пыталась понять, что мне это напоминает, то прежде всего вспомнилась Латинская Америка. Правда, потом я решила, что следует вспомнить и о другом.

В октябре 1575 г. в России произошло два события. Во-первых, была восстановлена опричнина, а во-вторых, татарский царевич Симеон Бекбулатович был назначен Великим князем всея Руси. Я себе позволю напомнить работу Б. Флори об Иване Грозном. Он пишет, что тем самым был положен конец колебаниям, неясности и неуверенности предшествующих лет в отношениях царя с кругом его приближенных. Теперь наступила желанная стабильность. В стране установился порядок, отвечавший представлениям царя о характере его власти. А из состава своего окружения царь сумел выбрать тех слуг, которые, по его мнению, заслуживают доверия. Или, скажу по-другому, если от слова "серый" можно образовать аналог каких-то "блестящих", то авторы книги формулируют это так, что наверх отбирается тип безынициативного приспособленца, лишённого каких-либо достоинств и знаний. Мне кажется, что дело даже не в самом персонаже, который полностью соответствует этой характеристике, а в реакции так называемых "элит" и, наверное, в реакции общества. Потому что в 1575 г. нашлись, так сказать, "супротив старше глаголющие", те, кто уцелел после первой опричнины. А сегодня, говоря о смене М. Фрадкова В. Зубковым, мы видим: В. Путин опять всех перехитрил. Спецоперация проведена блестяще. Понимаете, как далеко мы ушли за эти 400 с лишним лет: только в Думе смена премьера вызвала бурную и продолжительную реакцию. Следует, видимо, признать, что нынешний персонаж – не иноплеменник, а соплеменник первого лица по всем параметрам. Действительно, существует историческая преемственность – это самодержавие.

Теперь о проблеме модернизации. И начну я, пожалуй, с ее латиноамериканского конца, поскольку в сегодняшних выступлениях упоминалось об одном из вариантов авторитарной модернизации – модернизации "сверху", когда авторитарно-репрессивный режим осуществляет радикальную рыночную трансформацию. Мне уже приходилось говорить и писать об этом, потому приношу извинения за возможные повторы.

Я думаю, что самое важное и необходимое условие для успешности модернизации "сверху" заключается в том, чтобы в этом случае собственности была отделена от власти. Единственный такой случай – чилийский. Там интересы государственной власти были представлены А. Пиночетом и военными, и они были разделены с интересами собственников. В этом смысле система была авторитарно-институционализированная. Второго такого опыта в Латинской Америке нет.

Есть и мексиканская модель, которая существовала в условиях конституционно-революционной партии. Здесь, действительно, была проведена модернизация при существенном сохранении единства власти и собственности. В конституционно-революционную партию одновременно входили и крупнейшие собственники, владевшие и управлявшие госсобственностью, и политическая верхушка (включавшая в себя и профсоюз). Здесь интересны взаимоотношения мексиканского режима с корпорациями частных собственников. С 1940-х гг. установился следующий *modus vivendi*: власть



действовала в интересах крупного и среднего капитала, крупнейшие ассоциации которого не включались в правящую партию, но были признаны публичными, в нашем смысле слова, государственными институтами.

В мексиканской модели главный модернизационный прорыв был совершен, когда между крупными собственниками и властью сохранялся этот *modus vivendi*. Он был нарушен в начале 1970-х гг., когда начался длительный период кризиса этой модели и процесс ее трансформации, в конечном счете, в модель демократическую. У мексиканской модели было еще одно существенное достоинство, с точки зрения стабильности, – выработанный ею механизм передачи власти путем назначения первым лицом следующего первого лица. Соответственно, никакой неопределенности выборов не было, но была очень важная "определенность", скажем так, для правящих и господствующих групп – их вертикальная мобильность. Каждые шесть лет новый президент менял не только верхушку, но и значительную часть руководства госсектора и высшего партийного и административного аппарата. В этом смысле та проблема, которая оказалась роковой для всех систем власти в России, там была решена. Иначе говоря, для модернизации "сверху" нужны два условия: первое, о котором я уже сказала, – разделение власти и собственности в той или иной форме; и второе – выработка авторитарной модели преемственности власти, ее обновление. Так или иначе, в обоих латиноамериканских вариантах эта проблема решалась. Хотя Пиночет, попытавшись ее решить, проиграл выборы. Если с латиноамериканской точки зрения посмотреть на нынешнюю российскую ситуацию, то я бы сказала, что конечная наша мечта (нас, российских либералов) о российском Пиночете не сбылась, потому что вместо Пиночета мы имеем Р. Трухильо, А. Сомосу. Я бы дальше пошла: это не мексиканская система социально-революционной партии, это диктатура П. Диаса – система, которая предшествовала мексиканской революции 1911–1917 гг.

В чем смысл данного сравнения? Он опять-таки по двум названным условиям. Что сближает нынешний российский режим с латиноамериканскими моделями, условно говоря, олигархических диктатур? На мой взгляд, это то обстоятельство, что репрессивные структуры выступают не только в качестве основных правящих групп, но и главных собственников. Вот такое единство власти и собственности уже в лице репрессивных структур – характеристика всех этих режимов. И второе: механизмом, подобным мексиканскому, условно говоря, сделанным Бекбулатовичем, и там, и тут прекрасно пользовались. Поэтому при ответах на вопросы о модернизации латиноамериканские сравнения мне кажутся важными, так как мы этот барьер не взяли. Мы не преодолели прежде всего политико-институциональный барьер, обеспечивающий преемственность правящей и господствующей групп. Это проблема открытая, и потому тот тип консолидации элиты или ее псевдоконсолидации, который описан в книге Левады, Гудкова и Дубина, при принятии большинством правил игры, при отражении маргинализации меньшинства, оказывается для нас единственной возможностью.

И наконец, о понятии "элита". Позволю себе сослаться на авторов книги (с которыми я согласна). Они говорят, что в нашем смысле этого слова и в нашем контексте это понятие неинструментально и малоинформативно. Я вспоминаю работу присутствующего здесь М. Афанасьева, в которой обсуждалась та же проблема. Тогда это называли "номенклатурным патронатом". В любом обществе, структурированном "сверху вниз", возникают проблемы, о которые мы все время спотыкаемся. Поэтому я предлагаю ту часть "элит", которые связаны с властью и с бизнесом, обозначать термином, введенным М. Чешковым в конце 1970-х гг. (он применял его к развивающимся странам, но понятно, что с мыслью совсем о других странах), – "правящие и господствующие группы". Смысл данного термина в том, что он дает описание того феномена, который мы пытаемся называть "элитами" и главной характеристикой которого является единство власти и собственности или единство госвласти и госсобственности. В этом случае мы рассматриваем правящие политические и господствующие экономические группы как единое целое, независимо от того, к чему они больше принадлежат – к бизнесу или к политической власти. Тогда встает проблема, которую здесь

формулировали оба автора книги, – проблема номенклатуры и интеллигенции. Если согласиться с термином "правлящей господствующей группы", что делать с интеллигенцией, с интеллектуалами? То есть с теми лучшими, от которых, действительно, ожидается (и не без основания) некий потенциал модернизации общества? Мне кажется, что в описанной ситуации структурирования властных институтов назначенные интеллектуалы могут быть без натяжки отнесены к властной службе правящих господствующих групп. У них другая функция.

Вопрос тогда относительно тех маргиналов, о которых говорил Дубин. Они элиты или не элиты? С чем на самом деле связаны вероятные возможности модернизации? Мне кажется, они связаны именно с тем пространством (и в книге об этом очень много говорится, хотя это не главная линия рассуждения), которое может быть сформировано через некую самоорганизацию общества и всех его слоев: от бизнеса до интеллигенции или интеллектуалов и массовых слоев этого общества. Модернизация начнется тогда, когда это маргинальное пространство будет смещаться к центру, не в смысле к власти, а в смысле значимости транслируемых ими образцов.

**Е.Г. Ясин:** Я позволю себе одно короткое замечание. Татьяна Евгеньевна, вообще-то говоря, эту мысль частично выразила. Несколько дней назад в Фонде Карнеги мы собрались в узком кругу для обсуждения проблем, связанных с Эстонией. И речь зашла о первом премьер-министре новой свободной Эстонии, о М. Лааре. Я спросил, откуда он появился. Выяснилось, что он был учителем истории. Ему было 32 года, и он был избран, назначен премьер-министром. Вы спросите, откуда взялась вся другая эстонская элита? Можно сказать, что это вообще народ, который не имеет элиты. Они сами это сказали: "Какая элита? У нас в 1940 г. всех взяли и расстреляли или согнали в Сибирь". Или, если кто-то еще живой остался и провинился или не вписался в партийную номенклатуру, то его тоже убрали. Проявиться было нельзя. Я стал усиленно думать, а кого я знаю из советской эстонской элиты? И вспомнил только Г. Отса и П. Кереса. Я виноват. Мы жили в одной стране. Но если бы там были какие-то заметные люди, наверное, мне бы было известно о них.

Я говорю об этом по одной простой причине. Слова о том, что маргиналы, может быть, и являются элитой, дают надежду. Обычно к проблеме элиты мы подходим прежде всего так: те, кто принимают решения, кто осуществляют власть, кто распоряжаются балансами и т.д., и есть элита. Но она в таком виде не способна ничего проявить, потому что уже привязана к системе. Смыслы же всегда порождаются в других местах. Откуда берут идеи наши правители? Не сами же их придумывают. Они берут их в интеллектуальной элите.

**Г.И. Мусихин:** Я не буду говорить о субстанциональных свойствах понятия "элита". Это тема отдельного спора в рамках политической теории. Я бы хотел сказать несколько слов по поводу механизмов формирования элиты, а точнее российской элиты, а также российской альтернативной элиты. При самом первом и упрощенном приближении этот механизм можно образно назвать механизмом "песочницы". К тому или иному кандидату на вхождение в данный контрэлитный круг предъявляются такие требования совместимости и общности, что впору вспоминать: а играли ли с ним корифеи нашей "элиты № 2" в детстве в песочнице? Если нет, то попадание в этот круг весьма проблематично. То есть способ селекции этой элитной группы не менее, а может быть еще более жесткий и архаичный, чем в номенклатуре. В основе этой селекции лежат в высшей степени неформальные механизмы симпатии, общности жизненного мира и длительности взаимоотношений. Это очень сложный, очень жесткий, очень непростой и очень уязвимый механизм. В этом смысле механизм формирования данной контрэлиты, или потенциальной властной элиты, еще более архаичен, чем номенклатурный.

Иными словами, мы критикуем номенклатуру за несовременность и неэффективность. И это действительно так. Однако "механизм песочницы" еще более архаичен, чем номенклатурный. В номенклатурном механизме, на мой взгляд, больше рационального, чем неформально-психологического. Там последнее тоже присутствует, и в

очень большом объеме, но рационального там больше, чем у альтернативной элиты. Именно это дает нынешней номенклатуре устойчивость и силу. Власть не чувствует, что называется, горячего дыхания за спиной. Ей не угрожает ничто принципиально более современное и более модернистское. Пока альтернативная элита не станет современной, любая критика нынешней властной прослойки управленцев-бюрократов будет консервативно-традиционалистской, а не модернистской. Может быть, что-то придет со стороны нового российского бизнеса. Но именно нового, так как и в бизнесе номенклатурных стереотипов "песочницы" еще хватает.

**А.К. Симонов:** Я хочу сказать о смешном личном аспекте восприятия этой темы. По рождению, по советской традиции я принадлежу к элите как сын кандидата в члены ЦК КПСС, выдающегося писателя, состоятельного человека, имевшего массу заслуг, а также набившего массу шишек, но, безусловно, входившего в советскую элиту. Элитарность передается мне или нет – с позиций, которых многие придерживаются? Мне кажется весьма сомнительной попытка назвать элитой только тех, кто принимают решения на высшем уровне. С моей точки зрения, элита – те, чьи мнения или суждения становятся заразительными для окружающих. Мне кажется, это куда более точная формулировка, потому что, если принять эту формулировку, то сегодня "наверху", среди людей, принимающих решения, элиты почти нет. Мне было бы очень интересно попытаться понять: на что элита претендует? С моей точки зрения, элита – те, кто ни на что не претендуют. Они уже есть, и им претендовать на что-то не надо. Их самих находят. Они и есть предмет поиска. Это не порода, это человеческие качества. Вот, например, элитарность, она передается или нет? Как говорят, на детях талант отдыхает... Я про себя спрашиваю, про себя интересуюсь.

Откуда, скажем, в моем отце взялась эта элитарность? Неужели он приобрел ее в Литературном институте, где учился вместе с Михалковым-старшим? Наверное, нет. Может быть, от его матери, которая принадлежала к княжескому семейству Оболенских? Мне кажется, это психологически безумно интересный вопрос. Не буду далее развивать этот аспект темы. Скажу только, что, по-моему, проблема элиты не напрямую связана с проблемой власти и даже с проблемой денег. Проблема элиты – более сложная, и упростили ее мы сами, позволив себе выстроить то, что у нас сегодня есть.

**О.В. Крыштановская:** Очень важный вопрос поднял А. Симонов, и я очень хочу как-то на это отреагировать. Всегда в обществе было так: люди, у которых были власть и деньги, считали себя лучшими, а народ безмолвствовал. Потом они передавали свой статус и возникало дворянство, аристократия. Остальные всегда на это обижались. И сейчас обижаются. Если говорить об элите в классическом понимании слова – как о "лучших людях", то она невозможна без фактора наследования. Только тогда происходит легитимация, и с этим общество соглашается.

**А.Н. Илларионов:** Все же нельзя ли еще раз сформулировать, в чем авторы и заказчики книги видят проблему элиты? У меня сложилось впечатление, что книга посвящена не элите, точнее – не всей элите, а очень маленькой, довольно узкой ее части. Были предложены несколько вариантов того, что можно назвать элитой. Но как бы ни относиться к элитам спортивным, культурным, идейным (о чем только что здесь говорили) и т.п., они здесь не развернуты. Более того, даже те элиты, представители которых были подвергнуты опросу (например, военные элиты), здесь по сути дела не представлены. А тем более элиты репрессивных органов или спецслужб, здесь их тоже нет. Те, кто принимают реальные решения, не представлены. Представлены те, кто мобилизован и получил приказ тем или иным образом интерпретировать эти решения. Это большая разница.

**Е.Г. Ясин:** Нас интересовали два вопроса. Один – относительно того, что такое элита. Если представить себе, что элита – собрание лучших представителей общества. В начале правления Путина многие надеялись, что это человек, который найдет какие-то решения и т.д. У каждого были свои надежды. С течением времени у общества в целом, у народа представления остались прежними, а у элиты они изменились. Я получил ответ: "Нет элиты". Второй вопрос. Я прекрасно понимаю, что программа ка-

кой-то модернизации общества предполагает некую консолидацию элиты, некий национальный консенсус, чтобы осуществлять какую-то стратегию. И вопрос заключался в том, возможна ли консолидация элиты на некоей платформе, способной привести к осуществлению какой-то программы модернизации в стране? Ответ получен: "Нет". Вернее, есть консолидация на платформе Путина. У меня есть некие сомнения, потому что мы спорили из-за того, насколько хороша выборка и т.д. Но Ольга Викторовна не случайно сказала, что это исключительно много может значить. Я не брался решать проблему лучше, чем это делают специалисты. Но ответ по той выборке, которая была в нашем распоряжении, получен. Консолидация в том смысле, в каком мне бы хотелось, невозможна, а в том смысле, в каком она возможна, – это консолидация вокруг той элиты, которую мы сегодня имеем, тех идей, которые исповедует наш президент. Вот и все. Поэтому я и сказал, что я ответы получил.

Я в некотором смысле "заведен" идеей элитарной демократии. Уверен, что в России сегодня возможен только такой вариант. Поэтому мне важно было узнать: у нас возможна или нет элита, на которую мы могли бы опереться? И можем ли мы в этом смысле рассчитывать на программу построения элитарной демократии, где появились бы политические партии, конкуренция, программы и т.д.? Есть ли на это надежда? Я получил ответ: "Нет". Потом, возможно, мы продолжим работу, а потому я говорю, что это открытие темы, а не ее закрытие.

**Л.И. Якобсон:** В представленной книге мне показалась интересной попытка проанализировать то, что понимается в ней как "элита" с позиции контрольной группы – интеллигенции. Но группа сама выбрана, как я понял, по принципу "свои–не свои". Очевидно, речь должна идти о двух типах влияния в обществе. Один связан с властью, с деньгами, другой – с продуцированием смыслов. Может быть, смыслов нам с вами неприятных. Но, если ставить вопрос о консолидации, о которой говорил Евгений Григорьевич, понятно, что применительно к тем, кто сегодня находится у власти, это вопрос очень важный. Люди, назначенные Путиным, консолидированы вокруг Путина. Тут мы имеем общественную группу, которая продуцирует смыслы; так или иначе задает измерение общественного мнения. Ясно, что те, кто сегодня у власти, консолидированы. Но ясно и то, что их взгляды отличаются от взглядов тех, кого вы называли московской интеллигенцией. А вот люди, которые продуцируют разные смыслы в обществе, – насколько они готовы к той или иной консолидации или не готовы (по разным измерениям)? Как пополняется эта группа? Как она не пополняется?

И на мой взгляд, самое главное – то, о чем говорила Т. Ворожейкина, о важности некой самоорганизации "снизу". Ведь почему в 1993 г. и после тема элиты стала столь значимой? Да просто потому, что примерно с этого момента народ стал безмолвствовать. Социологические исследования показывают, что такая "стабильная" ситуация начинает меняться. То же могу отметить и по собственным ощущениям. Начинается движение "снизу вверх", пусть пока робкое.

Разумеется, это не движение "снизу вверх" с большими политическими программами. Но гражданское общество никогда, ни в одной стране, не начинало с больших политических программ. У нас все было "сверху вниз". Сначала идея, объединение лидеров то ли вокруг демократии, то ли вокруг "сильной руки". А гражданское общество вообще-то всюду всегда развивалось, начиная с "малых дел", – как убрать в своем дворе, что-то устроить в больнице. От полной разрозненности людей, которая имела место по понятным причинам в определенный период, мы переходим к ситуации постепенного роста неполитических ассоциаций. И в этом я вижу надежду.

**А.И. Липкин:** У меня маленькая реплика в связи с понятием элиты. Дело в том, что "домодерная" самодержавная система, к которой по-прежнему принадлежит Россия, отличается от представительной (западной) системы. В первой "место определяет человека", во второй место связано с достижениями и качествами человека, а не с его назначением (этим "бюрократия-номенклатура" отличается от "интеллигенции"). В приведенных в книге таблицах эти два типа не разведены (к последнему типу, наряду с "московскими интеллектуалами," по-видимому, относятся "руководители органи-

заций и союзов предпринимателей" и "руководители частного бизнеса", в этом плане интересны вопросы о корреляции между ними и отличие этих трех категорий от остальных). Мне кажется, что, обсуждая вопрос об элите, надо, во-первых, определиться, с чем мы имеем дело – с "качеством места" или "качеством человека"? Является ли элитой начальник? Имеет ли смысл о феодале говорить как об элите по отношению к крестьянам?

**В.Г. Гельбрас:** У меня сложилось впечатление, что в книге речь идет о бюрократической номенклатуре, немногим, а может быть, практически ничем не отличающейся от таковой в советские времена. В ходе обсуждения между властью имущими и элитой многие поставили знак равенства. Таково сложившееся у меня впечатление, может быть, ошибочное. Похоже, что к элите главным образом причислены лица, принимающие решения и наиболее часто мелькающие на страницах газет, на экранах телевизоров. Остальное общество осталось вне поля зрения. Общество же у нас специфическое. Среди его черт следовало бы иметь в виду, по крайней мере, два немаловажных обстоятельства. Во-первых, оно по преимуществу городское, но городское лишь в первом поколении. Во-вторых, оно оторвалось от старых берегов, но еще не совсем освоилось на новых. Усвоена, похоже, только жажда наживы. Нужно, конечно, добавить, что для послевоенных поколений россиян характерно постепенное снижение уровня интеллектуального развития.

В этой связи, мне кажется, целесообразно выделить, по крайней мере на теоретическом и, соответственно, исследовательском уровне, два типа элит. Изначальный смысл слова *elite*, к сожалению, забыт. То, что далеко не всех представителей власти или бизнес-сообщества можно отнести к лучшей, отборной части народа, сомнения не вызывает. Тем не менее в обыденном сознании таков совершенно определенный тип элиты. Но есть и иной тип. Это люди, интеллектуально господствующие над обществом. Они господствуют над властной и предпринимательской элитой, над народом; обладают специфической властью, которая выражается во власти идей, в их воздействии на идеалы, нравственные ценности, общественное мнение, массовое сознание. Скажем, национал-социализм стал массовым движением раньше, чем захватил власть. У этих движения и затем власти были лидеры, но не было элиты.

Приведу иной пример. В Китае на рубеже веков возникло движение Фаньлунгун. В большом обществе оно завоевывало массы с помощью занятий физической культурой и пропаганды нравственных основ человечности, честности. За несколько лет в движение влилось свыше 60 млн человек. Оно стало соперничать с коммунистической партией, оказывая несравненно большее нравственное и культурное влияние на массы. Люди стали покидать компартию. Партия организовала разгром движения. Ныне оно ушло в подполье в Китае, но открыто распространяется во многих странах, в том числе в России. Сейчас нет времени детально говорить об этом явлении. Важно отметить иное: элита – совсем не обязательно люди во власти, это часть народа, в которой сконцентрированы его интеллект, знания, опыт, историческая, социальная и культурная память. Это люди, своими знаниями, опытом, деяниями, подвижничеством увлекающие народ к новым рубежам развития. Эта часть народа заслуживает бережного и тщательного изучения, поддержки и защиты.

**А.Н. Илларионов:** В какой степени нынешняя власть или вообще любая власть может называться элитной или элитарной? Ключевой момент, на который важно обратить внимание, – механизм формирования представителей власти (механизм коннотации, мобилизации и вертикальной мобильности). И здесь есть два варианта. Первый – это всевозможные способы свободного движения и выборов с поддержкой различных групп в обществе. И второй (крайний) вариант – массовые переходы, скажем, приказ Нури, принципов значения. Этот приказной вариант обеспечивает выбор худших или серых, неярких, невыдающихся и т.д. Но если мы посмотрим на нашу недавнюю историю, положим руку на сердце, последним представителем государственной власти, выбранным по традиционному, более или менее демократичному методу, был Б. Ельцин.

А я задам другой вопрос, на который имею право, поскольку пришел в то же время в те же органы государственной власти и обязан тому же недемократичному способу... А у Е. Гайдара 6 ноября 1991 года были выборы, было голосование? Ни в коей мере. В. Зубков на выборах в Ленинградской области набрал 9% голосов и проиграл, но он в выборах участвовал. В. Путин участвовал в качестве помощника во вторых выборах А. Собчака и проиграл. Можно понять, что поэтому у многих из них (даже не у многих, а у всех) есть глубокое внутреннее предубеждение относительно подобных процедур, потому что они пробовали их и проиграли.

Евгений Григорьевич напомнил про Лаара, которого никто не знал. Тем не менее механизмы демократической мобилизации привели его и других к власти в Эстонии. И продолжают приводить совершенно разных людей. Эти механизмы работают, они будут совершенствоваться, оттачиваться. У нас же в первый период 1991–1992 гг. такие люди еще были. Они пришли в исполнительную власть, в администрацию президента Ельцина, в правительство. Постепенно они все были вытеснены, и уже в середине 1990-х гг. там практически никого не осталось из тех, кто были мобилизованы, кто прошли каким бы то ни было образом через выборное сито. Поэтому, мне кажется, тут очень интересная тема, возможно – одна из ключевых проблем для властной элиты. И не столь важно, какие взгляды она имеет. Потому что известно, к чему приводит лозунг "Загоним железной палкой человечество в счастье коммунистическое" или, я извиняюсь, "в либеральное", через либерализацию, приватизацию и финансовую стабилизацию. Причем мы понимаем, что это необходимо, но тем не менее есть очень важный механизм – общественные координации, кооперации и поддержки. И если этот механизм не работает, любое из действий власти оказывается рискованным. Потому что в любом случае оно не получает какой-либо легитимизации со стороны либо всего общества, либо какой-то значительной его части.

**Б.В. Дубин:** Не считаете ли вы действия власти произвольными по характеру?

**А.Н. Илларионов:** Любые произвольные по характеру действия возвращают нас к Симеону Бекбулатовичу (о чем Татьяна Евгеньевна нам напомнила). С этой точки зрения очень важен данный вопрос. Не случайно сейчас все чаще обращаются к отечественной истории. У нас, действительно, были моменты, когда пытались использовать иные механизмы. Короткие периоды с 1905 по 1917 г. и конца 1980-х–начала 1990-х гг. Мне кажется, одним из выводов, достойных обсуждения, был бы анализ того, каким образом создавать институциональный механизм, дающий обществу возможность выбора.

**Е.Г. Ясин:** Я все же хочу обратить ваше внимание: никто здесь не говорит о том, что это исследование исчерпывает тему и те вопросы, для обсуждения которых мы здесь собрались. Тем не менее каждый говорит, мол, давайте определим понятия, скажем, какие методы исследования целесообразно применять и т.д. Я считаю, что один путь протоптан. Ольга Викторовна его достаточно хорошо освоила, прошла. И той информацией, которую можно получить из такого подхода, мы уже обладаем. Я же думаю, что мы должны попробовать другой. В книге он представлен, пусть и в незавершенном виде. Давайте думать дальше.

**Г.С. Шведов:** Мне хочется сказать несколько слов не о термине "элита" и его значении, а о том, для чего она нужна – для модернизации. Давайте взглянем на элиту с социоинженерной точки зрения, какие у нее функции? И если мы говорим про определенную часть власти как про элиту (хотя хочу согласиться с А. Симоновым, что такое видение упрощенно), то что она делает в направлении модернизации? Или мы говорим про гражданское общество, которое в этой дискуссии тоже было упомянуто благодаря тезису Т. Ворожейкиной о маргиналах (роль, которую гражданскому обществу предложено играть на текущий момент).

Я думаю, что есть противоречие между двумя типами элит. Между клубами и развивающимся гражданским обществом. Они представляют собой два разных пути для модернизации. Первый – путь ЗАО, акционеры которого неизвестны и прибыль не разглашается, второй лучше всего иллюстрирует классическая комедия Э. Рязанова

"Гараж". Мне кажется, что когда мы говорим про клубность элиты, подразумевая это-кое ЗАО "Власть", то в наших российских условиях невозможно вести речь о модернизации. Думаю, в наших реалиях перед любым закрытым клубом стоит та же задача, что и перед сельской администрацией в Чечне или Дагестане. Сохранять *status quo*, то есть оставаться при распределении бюджетных средств и административном ресурсе через личную преданность и откаты. При такой модели востребованы опричники, теперь они называются кадыровцами, потому что конкуренцию за деньги никто не отменял. С их помощью Кадыров-младший достиг того, чего не удавалось достичь Кадырову-старшему. Не только обрел удельное княжение, но и наладил прямые отношения с помазанником, стал его личным вассалом, то есть попал в клуб, в элиту. И членам такого клуба не надо модернизировать ни Чечню, ни Россию. Перед нами стоят совершенно другие задачи. А потому я хочу особо отметить, что обсуждаемая книга очень важна. Я думаю, что наше время будут изучать по этому изданию, собран просто потрясающий фактический материал, представлен глубокий анализ.

Возвращаясь к дискуссии, я думаю, что интересно обсуждать не помазанника, кто ему и как предан, кто его обслуживает, какой есть околономенклатурный слой, а в какую сторону направлен вектор общественных интересов. Их не стоит недооценивать, мы живем не в Узбекистане и не в Белоруссии. Сотни конструкций сооружено в Чечне, и не только для того, чтобы местный князек мог оставаться в элите, подтверждая членам клуба свою эффективность, но и под гипотетическим давлением общества – совсем ничего не построить представляется элите невозможным. Это, конечно, не модернизация, как и газпромовский нацпроект по прокладке труб, а создание базовых условий для выживания населения. Но тем не менее, такие действия учитывают потребности масс, а значит, в перспективе могут учитывать потребность и в модернизации.

Существует ли хотя бы в сознании таких клубных элит понимание необходимости модернизации, кто готов брать на себя ответственность за них? Это точно не власть, точно не в 2008 г., а может быть, и не в последующие годы. Потому что сегодняшней власти просто надо сохранить имеющееся. Я все-таки надеюсь на гражданское общество, которое меньше заинтересовано в сохранении *status quo*, поскольку не имеет никакого отношения к собственности и не будет иметь. Потребуется еще значительная перетряска ценностей власти для того, чтобы она, наконец, начала работать сообща с гражданским обществом. И к сожалению, возможен еще и энергетический кризис.

Поэтому только развитие баланса между властью и гражданским обществом до уровня гражданского контроля может привести к тому, что изменения начнут происходить "снизу". Именно в этом для меня и состоит ключевой вопрос модернизации, возникновения условий, при которых изменения начнут производиться не "сверху вниз", как в РАО ЕЭС, а как в саморегулирующемся обществе, то есть "снизу вверх". "Сверху вниз" можно модернизировать лишь процессы, но не действительность. "Сверху вниз" у нас принято формировать стратегии, не учитывающие реалии российской действительности: не только интересы простых россиян, но и лобби групп интересов, элит. Потому многие стратегии не приводят к запланированным целям. Если считать модернизацией в том числе и развитие общественных институтов, то многим представителям элит придется отказаться от тех или иных своих интересов. Что возможно только при наличии баланса – сильного государства и сильного гражданского общества. Одно лишь сильное государство не модернизирует Россию, но наоборот, создаст свои элиты, заинтересованные в *status quo*. И если кумулятивный Путин на новом витке правления захочет изменений, то ему потребуются новые союзники – зрелое общество.

**Л.Д. Гудков:** Функция элиты заключается не в инструментализации власти и управления, а в производстве ценностей, символов, образцов. Я со многими из выступавших согласен, и со всеми не согласен в точном смысле слова. Не из-за оценки того, что такое элита. Действительно, какие-то вещи в ходе работы над проектом становились

понятнее, ощупывались в этом "слоне", но вот немножко еще осталось, чтобы катаракту снять и увидеть целое.

Мне кажется, что очень большая часть споров и недоразумений связана с нашими глубоко фундаментальными представлениями о структуре российского общества как архаического, недифференцированного, соединяющего представления, характерные для традиционных институтов (нераздельность ценностной позиции с властными позициями), недифференцированность этих позиций. Это чрезвычайно важная характеристика. Иначе говоря, когда говорят об обществе, то все время его мыслят как иерархическую пирамиду, как некое целое. Других моделей нет. Именно тогда появляются такие суррогаты, как "правлящие элиты" (это, вообще говоря, метафора, употребленная Ч.Р. Миллсом и другими).

Но элита как социологическая проблема возникла именно тогда, когда разделились традиционные авторитеты и достижительские. Когда началась массовизация общества, когда возникли другие системы признания и авторитета, основанные не на наследовании, не на традиционных статусах, не на традиционной легитимации, а на том, что достигалось, приобреталось, демонстрировалось и пр. Это значит, что как проблема элита возникает в момент дифференциации институтов, с появлением очень сложных систем обмена. Напомню, что в основе американской демократии лежит принцип, сформулированный еще до их революции: "нет налогов без представительства" (*no taxation without representation*). Первичным было не гражданское общество, а система символического представительства, стимулировавшая разделение властей. Американцы тогда еще не претендовали на мятеж против короны, а вводили другие системы опосредования, признания. В этом смысле появление там идеи элиты совершенно не случайно.

И еще один момент. Понятие "элиты" неравнозначно понятию "лучшие". Мы ни одного слова не сказали, что элиты – лучшие. Мы говорили о том, что механизмы селекции и кооптирования в элиту основаны на признании некоторых достижений, на идее образцовости. Этим определяются статус, авторитетность, роль в обществе, обеспеченная квалификацией определенных достижений. А это значит, что достижения связаны со все время усиливающейся специализацией. Специализация же предполагает дифференциацию и закрепление достижений в самых разных областях. Именно тогда возникает система опосредования, обмена, коммуникаций, признания и закрепления. В этом смысле я полностью согласен с тем, что говорил Андрей Николаевич. Именно в Эстонии (а не в России) оказались возможны системы символического представительства, основанные на конкуренции, на сопоставлении, на репрезентации. И совершенно не случайно маленькая Эстония продемонстрировала наивысший уровень социальной сложности. По нашим давним исследованиям, в советской Эстонии на душу населения тогда приходилось самое высокое число книг: на 1 млн населения – 2 тыс. названий новых книг в год, в РСФСР их было 330, в Узбекистане – 13. Это показатель сложности системы производства и опосредования символических достижений, в данном случае – образцов письменной культуры, сложных систем коммуникаций. Так что демократия в Прибалтике – это не случайно.

Конечно, проблема элиты связана с необходимостью изменения нашей оптики, нашей системы объяснения. Прежде всего здесь очень важны наши внутренние противоречия, действующая в политологии, отчасти в социологии, модель общественных процессов, связанная, скажем, с работами Гайдара: суть ее – у нас в 1991 г. произошла революция. Использовалась старая модель социальных изменений. Отсюда понятно, что следовало: экономический детерминизм, группа революционеров, элита, понимающая, что надо делать даже вопреки косному и инертному обществу и т.д. Понятно, что советское, консервативно настроенное общество не было готово, не принимало и не желало этих изменений. Соответственно, возникало сопротивление реформам, и постепенно в сознании усиливалась идея о необходимости группы, которая бы вносила эти образцы силой. Или силой убеждения принуждала принять новые формы, новые



отношения и пр. Необходима группа, которая вносит образцы в среду нашего традиционалистского общества.

В этом смысле, чем сильнее сопротивление "снизу", чем более консервативны действующие институты, тем заманчивее была мечта о группе просвещенных интеллектуалов, идеологов, новаторов, которые вносят эти образцы. Таким образом, постепенно возникала идея модернизаторов или модернизационных функций элиты. Соответственно, вместе с самой идеей как бы принудительного или внешнего внесения новых образцов была заимствована идея элиты как носительницы просвещенного или модернизационного сознания. Вообще, это не тот комплекс проблем, который связан с исходной социологической проблематикой элиты. Напротив, в этом виде воспроизводится старая мифологема "интеллигенция–власть–народ". Вопрос о том, что представляет собой наше общество, заменяется вопросом: что делать для изменения этой рутинной материи в желаемую сторону?

Мы думаем, что модернизация прежде всего связана с условиями дифференциации социальных институтов, соответственно, с источниками этих изменений, независимо от того, кто будет инициатором, какие идеи задают те или иные институты, кто и как может вести дифференциацию – консерваторы, либералы, коммунисты. Сегодня коммунисты, между прочим, делают заявления, под которыми можно подписаться совершенно свободно. Загнанные в угол, они говорят о свободе, о правах человека, о законности, апеллируют к универсальным нормам, правам, ценностям. Это очень важный момент.

Модернизация не связана непосредственно с вестернизацией. Я не думаю, что если где у нас и возможно развитие, то оно будет связано с внесением "сверху" западных ценностей. Если у нас и были еще недавно импульсы развития, то они затухли, поскольку были связаны с ситуацией кризиса, принудительного действия реформирования, расхождения с прошлым, принудительной дифференциацией. Пока условия принудительности и необходимости сохранялись, было и некоторое движение реформ. Оно связано не с идеологией, не с либеральными намерениями группы реформаторов, а именно, с условиями принудительной, неизбежной, пожарной стимуляции определенных мероприятий. И пространство движения было задано этими условиями кризиса. Как только кризис был снят, замедлились или прекратились и сами реформы. В этом смысле наша исходная картинка может быть выражена старой метафорой разложения советской системы – не революции, а именно разложения, медленного, неравномерного отпадения и распада отдельных институтов советского времени.

Но самый консервативный, и в этом смысле – наиболее фундаментальный, почти конститутивный для нашего общества, институт власти остался почти неизменным. Символически он воплощает основные ценности, интегрирующие социум, а потому в наименьшей степени поддается какой-то рационализации и изменениям. Изменения происходят на краях, на периферии, в системах инструментального действия (в экономике, технологии, потреблении, моде и т.п.). Люди как-то адаптируются, приспосабливаются к новым условиям, но все это не затрагивает центрального символического института нашего общества – института власти, который, вообще говоря, не допускает никаких изменений. Мы видим, что отсутствие механизма смены, передачи власти – принципиальная характеристика данного института. Это не порок, не дефект, это его специфическая особенность. Такая система власти не предполагает, более того – уничтожает элиту в социологическом смысле. Но можно говорить об "имитационной" элите, о декорировании номенклатуры "под элиту". Правда, функции будут разными. И разговоры о модернизации в этой "элите" будут вестись, поскольку у власти будет сохраняться нужда в социальных обещаниях, в иллюзиях развития и светлого будущего для народа. Мы предполагаем, что в этом и заключается легитимационная роль категории "элита" для традиционных и архаических структур власти. Но нельзя путать ее с реальными программами изменения, с программами настоящих реформ.

**Б.В. Дубин:** Я выделю три вещи, которые, по-моему, затрагивают болевые, проблемные точки. М. Афанасьев произнес очень точное слово "адаптация". Он сказал о

том, что, судя по его собственным исследованиям (это и в нашей книге есть), и массы, и так называемые элиты ориентированы на адаптацию, на выживание. Вы можете себе представить элиты, которые нацелены на это? Но такую ситуацию мы имеем здесь и сейчас. Это очень важное соображение, мы во многом исходили из него в своей книге, в своих размышлениях и рассуждениях и намерены "раскручивать" этот клубочек дальше.

Второе соображение связано со словами Ворожейкиной о разделении власти и собственности. На словах мы это все знаем. Но Татьяна Евгеньевна сказала дальше чрезвычайно важную вещь: "Такова единственная возможность создания современных институтов". Это тоже один из главных пунктов наших размышлений, отчасти попавших в книгу, а отчасти выходящих за ее пределы. Это постоянный предмет нашего интереса.

И последнее – то, что говорил Илларионов о механизмах. В принципе, ведь нас именно это и интересовало. Люди могут быть разными, идеи могут быть разными, но возникают ли механизмы, позволяющие репродуцировать импульсы изменений и отбора лучших? Или начинают действовать совсем другие механизмы? Какие, кем они запускаются, как принимаются другими? Поэтому для нас проблема элиты включала в себя целый набор проблем. Первая важная для нас социологическая проблема – чья это проблема? Для кого это проблема? У либерального экспертного сообщества есть такая проблема, у интеллигенции?

Вторая составляющая данного комплекса – как сложился и чем обеспечивается сложившийся порядок? Каким образом можно из него выйти? Не через людей (святых, чистых, замечательных), которые откуда-то должны появиться, не через замечательные, светлые, чудесные идеи, уже выработанные за историю человечества, а именно через механизмы соединения интересов, ценностей разных групп. И выработку таких источников, опор, форм, которые позволяли бы системе работать не просто на удержание *status quo*, а на повышение уровня, иначе это всегда будет понижение. Механизм работы советской и постсоветской систем настроен на систематическое понижение. В этом смысле я согласен с Татьяной Евгеньевной: это постоянное упрощение, постоянное одичание, постоянный шаг к редукции, к менее сложному (или, если угодно, к более тупому, самому примитивному и потому всегда проигрышному).

**Е.Г. Ясин:** Вслед за Львом Дмитриевичем я скажу, что согласен со всеми выступающими и одновременно не согласен. Особенно со Львом Дмитриевичем. Это как раз, мне кажется, те несогласия, которые весьма конструктивны. И поскольку мы не призываем прокуратуру для разрешения наших споров, то вполне можем спокойно выяснять истину.